

**Роль идей в социальных преобразованиях:
поиск новых гносеометодологических оснований**

(методология к исследованию, часть 2)

**Exploring ideas role in a social context: new epistemological and methodological
foundations search (part 2)**

Н. Н. Равочкин

N. N. Ravochkin

Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия, г. Кемерово, Россия

Kuzbass State Agricultural Academy, Kemerovo, Russia

nickravochkin@mail.ru

Во второй части разработки синтетической концепции научного исследования роли и значения идей как детерминант социальных преобразований автор обращается к меметике, теории фреймов и социальному реализму Коллинза. В ходе поиска нового знания посредством репрезентации подходов к пониманию идеи автор рассуждает о развитии системы аксиологических модусов, о последствиях укоренения идей в индивидуальном и массовом сознании. Рассматривая основные положения понимания генезиса и логики идей во взаимосвязи с социумом, автор доказывает зависимость интеллектуальной динамики от условий социосферы.

Ключевые слова: идеи, социум, социальная реальность, концепция, гносеометодологические основания, меметика, теория фреймов, социологизм.

In this article, the author continues to consider ideas as determinants of institutional change. Creating a new methodological position, the author establishes a connection between social changes and intellectual foundations. In this text, reference is made to the memetic theory, the theory of frames, and Collins' social realism in order to refine the synthetic concept to study the role and significance of ideas as the determinants of social change. As a result of the representation of approaches to the stated problem, the author concludes that it is necessary to search and combine various research positions, to realize the completeness and variability of actors in order to create new epistemological methodological foundations.

Keywords: ideas, society, social reality, concept, epistemological methodological foundations, memetic theory, frame theory, sociology.

В рамках исследования роли идей в социальных преобразованиях заслуживает внимания также и меметическая теория биолога Р. Докинза. Он понимает идею как единицу культурной информации, которая

переходит от одного субъекта к другому. Чтобы изложить суть такой идеи, Докинз вводит понятие «мема» и трактует его как множество «идей, формируемых человеком на протяжении всей истории, заключающих в себе

© Равочкин Н. Н.

информацию о мире, повторяющихся в памяти, изменяемых в зависимости от интересов человека и культурных ожиданий» [10, с. 299]. В концепции Докинза мемы играют роль социокультурного развития, обуславливая, подобно генам в генетике, особенности отбора конкретных форм поведения, а также формирования тех или иных социальных институтов и практик, выраженных в идее. Тем не менее ученый не объясняет, каким образом мемы попадают в сознание, однако исходя из того, что идея есть информационная единица, можно предположить, что их усвоение обусловлено спецификой мышления — имманентной чертой интеллектуального общества. Информационные сущности идеи, как и любые другие логические конструкты, могут повторяться (через прямую имитацию), передаваться от одного субъекта к другому (через учение), интегрироваться в идеологические комплексы с другими идеями и меняться под влиянием индивидуальных и групповых интересов, потребностей и ожиданий.

Изменение идей через формирование в их структуре новых смыслов приводит к возникновению аксиологической конкуренции, результатом которой будет разрушение слабых идей (здесь можно провести аналогию с замещением генов). Сильные идеи, наоборот, распространяются и порождают новые единицы культурной информации. Таким образом, мемы задают и определяют как негативные, так и позитивные социальные тенденции. Важно добавить, что сильной может быть не только позитивная и социально значимая идея, но, напротив, деструктивная. Достаточно вспомнить идеи захватнических войн, расовой дискриминации, экономического давления. Иначе говоря, идеи рассматриваются как детерминанты особенностей социального развития. Вариативность идей и возможность трансформации их смыслов, приобретения дополнительных смысловых оттенков и вступления в идейные комплексы — все это обуславливает особенности развития системы их аксиологических модусов и, как следствие, создания, функционирования

и трансформации институтов и практик. Отметим, что представители меметики далеки от идеализации указанного процесса и его восприятия в качестве эволюционного. Обладая силой воздействия на общество, идеи лучше воспринимаются в период позитивных тенденций развития либо кризисных. Для нас меметика актуальна, прежде всего, по причине некоторого сближения ее отдельных положений с акторно-сетевой теорией. Сюда, главным образом, относим рассмотрение идеального в неразрывном единстве с материальным, биологическим, что позволяет взглянуть на сущность идеи в новом аспекте. Такой подход снимает антиномию «идеальное — материальное», преодолевается разрыв между указанными категориями, что позволяет взглянуть по-новому на социально-природную среду, как на комплексную вариативную систему, а многообразие элементов порождает социальную значимость и смыслы.

Принимая во внимание изучение роли и значения философских идей в социально-философском контексте, мы также считаем целесообразным обратиться к теории фреймов. Следует отметить, что сегодня теория широко используется для выявления и интерпретации социальных явлений в западной науке. В России обращения к основным положениям фрейм-анализа довольно редки, поскольку, по словам В.С. Вахштайна, труды И. Гофмана и М. Минского получили известность среди представителей российского научного сообщества относительно недавно [3, с. 7]. Основы теории были заложены в работах Минского, который понимал фрейм как информационную структуру, «включающую смысловые узлы и взаимодействия» и извлекаемую из памяти в соответствующей социальной стереотипной ситуации [16, р. 235]. По сути фрейм представляет собой сложную комплексную структуру, в составе которой можно выделить несколько уровней и слотов: на верхнем уровне лежит фиксированное значение, нижние уровни (слоты) содержат ситуативные смыслы, которые варьируются в зависимости от контекста (и имеют

существенные различия). Фреймы включают ожидания и другие виды презумпции, организуют опыт и обеспечивают личность предположениями о том, что происходит, они — не ментальные объекты, но «концепты, которые используются для интерпретации того, что происходит вокруг нас» [15, р. 117]. В дальнейшем, благодаря тому, что дефиниции Минского были конкретизированы, теория получает развитие в различных областях научного знания — в лингвистике, психологии: выявляются новые свойства фреймов и формулируются дополнительные выводы.

Нам интересна возможность применения теории фреймов для определения влияния идей на социум. Подходящей дефиницией в этой ситуации представляется определение фрейма как «центральной организационной идеи, предназначенной для осмысления определенных процессов, выявления их смыслов» [13, р. 33]. Фрейм понимается нами как «центральная идея», которая обуславливает особенности интерпретации личностью событий и процессов социально-природной окружающей среды и оказывает влияние на восприятие тех или иных аспектов реальности, определяя выбор поведенческих паттернов. В какой-то степени такое понимание возвращает нас к античному восприятию идеи как двигателя социального прогресса, актора позитивных и негативных трансформаций. Однако в этом случае акцент смещается с выявления абстрактного влияния идей на развитие общества в масштабах мировой истории — на изучение конкретного воздействия идеи на личность как актора социальных взаимодействий. Выявленная структура фрейма может рассматриваться как концепт, включающий в себя совокупность смысловых уровней: верхний — общий для большинства культурных моделей мира и их представителей; нижний — вариативный, зависящий от контекста. В качестве примера структуры фрейма можно привести идеи Робеспьера, обозначенные лозунгом Великой французской революции «Свобода, равенство, братство», в частности — идею Свободы, которая в той

или иной форме известна большинству народов и культур. Верхний семантический слой этой идеи как универсальная составляющая может быть представлен следующими значениями:

1) возможность индивида самостоятельно ставить цели и нести ответственность за результаты своей деятельности;

2) возможность осуществлять деятельность, заданную коллективом или обществом, сохраняя индивидуальность.

Однако проявление свободы как возможности действий, которые могут быть предприняты человеком в направлении цели, существенно варьируется в различных культурных моделях, регулируется не только нормами морали и права, но и другими социальными правилами. Более того, свобода действий индивида в направлении личной цели напрямую зависит от индивидуально-личностного понимания свободы и от конкретных жизненных условий. Соответственно, рассматриваемая идея имеет универсальный уровень, культурно и индивидуально маркированные слоты.

Активизация идеи как фрейма осуществляется в определенном социальном контексте. При этом в памяти личности «всплывают» все выявленные уровни когнитивной структуры, оказывающие влияние на выбор форм поведения, на характер взаимодействия личности с другими акторами на базе представлений о свободе взаимодействия. Таким образом, идея оказывает влияние на особенности деятельности отдельной личности в обществе и общества в целом, выступая «организационным принципом, который управляет социальными событиями и нашим субъективным участием в них» [14, р. 21]. Помимо выявления структуры интеллектуальных конструкторов, теория фреймов применяется для детального анализа особенностей укоренения идей в индивидуальном и массовом сознании. Детальное изучение указанного процесса представлено в трудах И. Гофмана, который выделяет три стадии укоренения идей в сознании личности (рис. 1.).

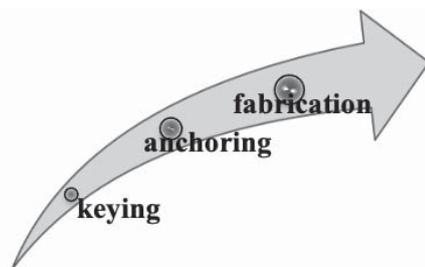

Рис. 1. Процесс формирования идеи в сознании личности

1. Формирование идей. Процесс начинается с момента поступления информации в сознание личности (*informational inputs*). Необходимость интерпретации личностью новой информации требует применения уже существующих в сознании когнитивных схем (*bridge explanations*) — формул, которые используются для осмысления событий и процессов. Результатом применения когнитивных механизмов являются «ключевые концепты», идеи (*keying*). Последние определяют правила интерпретации личностью конкретных событий. Таким образом осуществляется усвоение личностью верхнего уровня фрейма.

2. Укоренение (*anchoring*) идей, закрепление в более глубоких смысловых рамках.

3. Формирование личностных смыслов идеи, или фабрикация (*fabrication*). Завершается процесс закрепления идей в сознании индивида [14].

Таким образом, в процессе укоренения идеи в сознании личности формируется не только универсальная система аксиологических модусов, но и личностное восприятие отдельных модусов в рамках понимания фрагментов реальности. Понимание логики этого процесса позволяет определить возможности усвоения идей массовым сознанием — через СМИ, систему образования. Последствия пропаганды идей различны. С одной стороны, это общественно значимые позитивные результаты: формирование гражданского общества, усиление общественного контроля за деятельностью властных структур, с другой — революции, государственные перевороты, бунты.

Вариация идей и категориальных смыслов указывает на гетерогенность и системность их организации. Маркируемое как

классическое приближение к генезису идей и их динамика, по нашему мнению, можно репрезентировать двумя способами. Один способ — это понимание идей, которые составили основу повседневных практических знаний, непосредственно связанных с удовлетворением потребностей. Общественное разделение труда и появление труда умственного приводит к выделению знания из житейского опыта. Опыт обретает теоретическую форму как самостоятельность, безотносительно к практике. Теоретические положения обобщаются с помощью философских категорий. Последующая динамика принимает направленность на выделение проблем в соответствующих предметных областях науки.

Другой способ репрезентации отчетливо представлен в статьях отечественного мыслителя С. С. Антипова, который придает первостепенное значение процессам воображения. К основным свойствам воображения он относит деятельность, плодovitость, энтузиазм. Воображение дает идеальное субъективное (индивидуальное или коллективное) представление о результате: «Главная функция воображения состоит в идеальном представлении результата деятельности до того, как он будет достигнут реально, в предвосхищении того, чего еще не существует» [12]. В плане идейной рецепции этот способ обнаруживает сходство с общеизвестной теорией Платона, утверждавшего первичность идей и вторичность материи. Итак, сначала человек создает визуализацию объекта, а затем стремится к его реализации. Благодаря воображению становится возможным воспроизводить причины и связи соотношения «прошлое — настоящее — будущее» (что также

задает направленность действий субъекту), поскольку в мире эйдосов наличествуют образы предметов существовавших, существующих сейчас, а также предметов будущего. Проведя анализ теории познания Д. Юма, Антипов переходит на уровень постижения идей в их многообразных сложных сочетаниях. Также он отмечает присутствие страсти, обуславливающей единство «задумки» и действий¹ [1; 2]. Применительно к роли идей в социальных преобразованиях — идей как детерминант институтов политики и права — необходимо обратить внимание на то, что интеллектуалы создают совершенную модель социума, достижение которой предполагает те или иные социальные перемены. Так, идеи предстают не чем иным, как главным продуктом воображения, имея форму философскую или научную.

Не менее значима для постижения роли философии и идей и потому влиятельна теория Р. Коллинза. Наиболее полное изложение взглядов ученого представлено в фундаментальном труде «Социология философий» [4]. Как отмечает В. И. Красиков, «это не просто “социология философий”, на деле это радикальное изменение представлений о самой сути деятельности философов (как и вообще интеллектуалов), о механизмах, порождающих их идеи, репутации, земную и посмертную судьбы» [5, с. 5]. Коллинз опирается на лучшие достижения философии и под другим углом предлагает рассмотреть генезис и влияние идей на развитие общества. Традиционным для развития философии являлось утверждение, что «история философии создается “тогда”, когда и происходят сами те или иные интеллектуальные события, имеющие всегда характер неповторимого индивидуального озарения и креатива» [5, с. 6]. Соответственно, понимание генезиса и логики идей в тесной взаимосвязи с развитием социума требует наиболее полного воспроизведения «тогдашних условий — в широкой гамме от социокультурных, ментальных до психолого-автобиографических»

[5, с. 6—7]. Подобная убежденность берет начало в древнейшей установке на философствование как таковое, протяженной в исторических формах — от Античности до Постмодернизма. Иначе говоря, в основе понимания сущности генерирования идей лежат два основных положения.

1. Идеи есть результат интеллектуальной деятельности философа — гения-одиночки, своего рода «обреченного на одиночество избранника» («индивиды порождают идеи») [5; 7, с. 104].

2. Развитие истории философии осуществляется «толчками», под влиянием интеллектуальной деятельности мыслителей-одиночек, а именно — идей, создаваемых ими на базе накопленного опыта познания («идеи генерируют идеи»).

Теория Коллинза опровергает эти положения. Так, определяя роль индивида, целесообразно исходить из понимания природы интеллектуальной деятельности, суть которой заключается в «абстрагировании, универсализации и рефлексировании» [5, с. 8]. Изначально указанные черты проявляются и развиваются в коллективе, а уже затем характеризуют сферу деятельности интеллектуальных сообществ. В результате умственной деятельности специалистов этих разрозненных объединений вырабатываются новые атрибуты и символы общественного единства, «формируется символическая реальность определенной интеллектуальной системы, которая впоследствии используется для применения идей и знаний на практике, в том числе и в обыденной жизни» [7, с. 105]. Другими словами, интеллектуальная деятельность изначально носит коллективный характер, развивается в соответствующих группах, цепочках «учитель — ученик», «причем существует путь от таких социальных структур к внутреннему опыту индивидуального разума» [4, с. 52]. Именно в процессе групповой интеллектуальной деятельности происходят разногласия и столкновение различных позиций. В составе коллективного соглашения эти позиции

¹ По материалам XVII Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований» (24, 25 сентября 2019 г., Новосибирск, Академгородок).

воспринимаются как истины: идеи и «мыслители не предшествуют общению, но сам коммуникативный процесс создает мыслителей в качестве своих узлов» [4, с. 46].

Так, американский социолог переворачивает с ног на голову устоявшуюся в философии традицию интерпретации идей как двигателей социального прогресса или как причин социальных проблем. По мнению ученого, не идея предшествует социальным изменениям, но сам социум порождает идеи, формирует конкретное «структурное поле сил, в котором и происходит интеллектуальная деятельность» [4, с. 52], соответственно, активизируются различные позиции, на базе их столкновения возникают конфликты, которые приводят к кристаллизации новых «истин». Отсюда справедливость аргумента В. И. Красикова, что философия имеет «социологические корни», выступая «частной формой сознания, такой, как и многие другие» [5, с. 7].

Кроме того, Коллинз подвергает критике и концепцию «идеи порождают идеи», так называемое скачкообразное развитие философии. Традиционно историко-философский процесс понимался как «последующая возобновляющаяся интерпретация, имманентный элемент текущей мировоззренческой, ментальной борьбы, где репутации и идеи предшественников (перевернутые “под себя”) — суть эмблемы и орудия всегда “сегодняшнего” самоутверждения фракций философов в существующем сейчас поле интеллектуального внимания» [5, с. 10–11]. Указанная концепция детерминирует два новых положения.

1. Интеллектуальное творчество представляет собой поступательный эволюционный процесс, для которого развитие революционное не свойственно, а следовательно, история философии не может носить скачкообразный характер.

2. В ходе исторической реализации интеллектуального творчества, накопления результатов познания и экзистенциального опыта — идеи, определяющие направление социального развития на конкретных этапах истории, утрачивают актуальность,

смысловую ценность, мотивационную силу [7, с. 106–107].

Если первое положение в определенной мере Коллинз разделяет, то второе подвергает резкой критике: он подчеркивает, что философия как область научного познания носит ярко выраженный рефлексивный характер, соответственно, «рефлексия возобновима с каждым поколением» [5, с. 11]. Более того, возобновленная рефлексия не только осуществляется в условиях постоянного наполнения системы философских знаний, но и понимается в контексте перманентного углубления и уточнения изменений сущности самой рефлексии. Соответственно, в результате интерпретаций старых идей осуществляется формирование качественно новых для исторического плана смыслов, а любая историческая форма интеллектуального постижения бытия может стать основой формирования принципиально новых идей.

Итак, Коллинз предлагает качественно новые взгляды на сущность интеллектуального творчества, на процессы генерирования идей и их взаимосвязь с развитием социума. Новосибирский философ Н. С. Розов заключает, что по мере принятия интеллектуальными сообществами основных положений теории Коллинза «произошел своего рода социологическое взросление философов и философии, так что прежние способы интеллектуального поведения покажутся новым поколениям если не наивными, то по крайней мере принадлежащими уже прошедшей — “социологически дорефлексивной” эпохе» [9, с. 7]. Однако стоит обратиться к собственно философскому уровню их появления, который наиболее оправдан в современном исследовательском дискурсе, в отличие, например, от классических подходов. Это замечание допускается Розовым, который также признает возможности воображения. Ученый считает, что в перспективе человеческой истории идеи есть «особые социальные реальности, возникающие при определенных условиях в некоторых сообществах» [8, с. 7]. Отсюда очевидно, что при

генезисе идей значимость обретают географические, исторические, политические, социокультурные, экономические и другие условия. Розов строит четырехчастную социальную онтологию (материальный мир, психосфера, культуросфера и социосфера) на основе плюрализма и привлекая воображение. Он связывает появление идей с «социальной воображаемостью» и фокусирует его на географической локализации социальных связей и систем [8, с. 31]. Таким образом, изменения и перемены, которые заметны в интеллектуальной динамике, сопрягаются не столько с популярностью отдельных традиций и школ, с множеством рассматриваемых ими проблем, сколько с теми условиями, которые сосредоточены именно в социосфере².

В заключение отметим, что философские положения относительно сущности идей давно преодолели стадии восприятия односторонних конструкций как единственного двигателя процессов социального развития. По большей части пройдены также периоды негативного восприятия идей и смерти идей [6]. Д. В. Третьяков дает наиболее емкое описание сложившейся ситуации: «в трудах философов-постмодернистов идея теряет свое ключевое значение и в онтологическом, и в гносеологическом отношении, а вместо этого приобретает иллюзорный характер, становится “пустым знаком” (Ж. Деррида), “симуляцией” (Ж. Бодрийяр), неким виртуальным текстом, оторванным от реальности (Р. Барт)» [11, с. 9].

Сегодня очевидно, что одностороннее понимание идей в тесной взаимосвязи с функционированием общества не способно объяснить ни сущности идеального, ни сущности социального. Ответом на указанное осознание становится появление новых синтетических концепций, вложенных в парадигму, направленных на объяснение сущности идей в социальном контексте. В связи с этим подчеркнем, что предложенный нами синтез основных положений, составляющих

проанализированные нами теории, выглядит вполне оправданным для создания новых гносеометодологических оснований, поскольку учитывает если не всестороннее, то масштабное в сравнении с имеющимися подходами рассмотрение роли идей.

Основные положения акторно-сетевой теории вернули материальное в социогуманитарный дискурс — и оно больше не рассматривается как нечто изолированное от идей и социума, но становится активным участником формирования новых общественно значимых смыслов. Меметика позволяет рассмотреть функционирование идей в социальном контексте по аналогии с биологическим развитием. В социальном контексте эта теория отражает развитие идей как непрерывную борьбу, в результате которой общество переживает периоды расцвета и кризиса. Положения теории фреймов важны для будущих исследований, поскольку позволяют выявить структуру идеи, ее универсальные, национальные и личностные смыслы. Кроме того, теория объясняет процессы укрепления идей в индивидуальном и авторском сознании. Социальный реализм Коллинза буквально дает новый взгляд на интеллектуальную деятельность, революционно меняя восприятие и последующее осмысление историко-философского развития.

Литература:

1. **Антипов С.С.** Воображение как катализатор развития науки и искусства // Философская школа. 2019. № 7. С. 102—107.
2. **Антипов С.С.** Воображение как свойство человека // Философская школа. 2018. № 5. С. 83—94.
3. **Вахитайн В.С.** Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира: автореф. дис. ... канд. соц. наук / ГУ-ВШЭ. М., 2007. 25 с.
4. **Коллинз Р.** Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 1280 с.
5. **Красиков В. И.** Философия: потеря девственности? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 1 (9). С. 5—16.
6. **Малинова О. Ю.** Идеи как независимые временные в политических исследованиях: в поисках

² По материалам XVII Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных исследований» (24, 25 сентября 2019 г., Новосибирск, Академгородок).

адекватной методологии // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 90—99.

7. Равочкин Н. Н. Интеллектуальная жизнь: формирование и динамика идей // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2018. № 3 (19). С. 103—110.

8. Розов Н. С. Идеи и интеллектуалы в потоке истории: макросоциология философии, науки и образования. Новосибирск: Манускрипт, 2016. 344 с.

9. Розов Н. С. «Социология философий» Рэндалла Коллинза — новый этап самосознания интеллектуалов в мировой истории // Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз; Пер. Н. С. Розова. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 7—31.

10. Тихомирова Е. Г. Идея маски как инструмент творения культуры (меметическая теория Р. Докинза) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 5 (61). С. 298—302.

11. Третьяков Д. В. Идея и ее онтогносеологический статус: автореф. дис. ... канд. филос. наук / МПГУ. М., 2006. 19 с.

12. Воображение [Электронный ресурс] // Философский энциклопедический словарь: электронные толковые словари. URL: <http://www.cyclopedia.ru/100/194/2685432.html> (дата обращения 01.07.2019).

13. Gamson, W.A., Modigliani. A. Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach // American Journal of Sociology. 1989. 95. P. 1—37.

14. Goffman Erving. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Cambridge: Harvard, 1974.

15. Rettie Ruth. Using Goffman's Frameworks to Explain Presence and Reality // Materials from the 7th Annual International Workshop on Presence (3—15 October. 2004. Valencia, Spain). P. 117—124.

16. Thagard P. F. Knowledge and Interference Synthese. 1984. 61. P. 233—259.

поступила 23.08.2019

Равочкин Никита Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кемеровского государственного сельскохозяйственного института (Россия, 650056, Кемеровская обл., г. Кемерово, ул. Марковцева, д. 5), nickravochkin@mail.ru

References

1. Antipov S.S. Voobrazhenie kak katalizator razvitiya nauki i iskusstva // Filosofskaja shkola. 2019. № 7. S. 102—107.

2. Antipov S.S. Voobrazhenie kak svojstvo che-loveka // Filosofskaja shkola. 2018. № 5. S. 83—94.

3. Vahshtajn V.S. Teorija frejmov kak instrument sociologicheskogo analiza povsednevnogo mira: avtoref. dis. ... kand. soc. nauk / GU-VShJe. M., 2007. 25 s.

4. Kollinz R. Sociologija filosofij: global'naja teorija intellektual'nogo izmenenija. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 2002. 1280 s.

5. Krasikov V. I. Filosofija: poterja devstvennosti? // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo uni-versiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. 2010. № 1 (9). S. 5—16.

6. Malinova O. Ju. Idei kak nezavisimye pe-remennye v politicheskikh issledovanijah: v poiskah adekvatnoj metodologii // Polis. Politicheskie is-sledovanija. 2010. № 3. S. 90—99.

7. Ravochkin N. N. Intellektual'naja zhizn': formirovanie i dinamika idej // Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija. 2018. № 3 (19). S. 103—110.

8. Rozov N. S. Idei i intellektualy v potoke istorii: makrosociologija filosofii, nauki i obra-zovanija. Novosibirsk: Manuskript, 2016. 344 s.

9. Rozov N.S. «Sociologija filosofij» Rjen-dalla Kollinza — novyj jetap samosoznanija intel-lektualov v mirovoj istorii // Sociologija filo-sofij. Global'naja teorija intellektual'nogo izme-nenija / R. Kollinz; Per. N. S. Rozova. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 2002. S. 7—31.

10. Tihomirova E. G. Ideja maski kak instrument tvorenija kul'tury (memeticheskaja teorija R. Dokinza) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universi-teta kul'tury i iskusstv. 2014. № 5 (61). S. 298—302.

11. Tret'jakov D. V. Ideja i ee ontognoseologičeskij status: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk / MPGU. M., 2006. 19 s.

12. Voobrazhenie [Jelektronnyj resurs] // Fi-losofskij jenciklopedicheskij slovar': jelektronnye tolkovye slovani. URL: <http://www.cyclopedia.ru/100/194/2685432.html> (data obrashhenija 01.07.2019).

13. Gamson, W.A., Modigliani. A. Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach // American Journal of Sociology. 1989. 95. P. 1—37.

14. Goffman Erving. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. Cambridge: Harvard, 1974.

15. Rettie Ruth. Using Goffman's Frameworks to Explain Presence and Reality // Materials from the 7th Annual International Workshop on Presence (3—15 October. 2004. Valencia, Spain). R. 117—124.

16. Thagard P. F. Knowledge and Interference Synthese. 1984. 61. R. 233—259.

submitted 23.08.2019

Ravochkin Nikita N., PhD in Philosophy, Associate Professor at Department of Humanitarian and Legal Disciplines, Kemerovo State Agricultural Institute (5, Markovtseva Street, Kemerovo, 650056, Russia), nickravochkin@mail.ru